

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МАРШРУТЫ

МАКС...ЭНД...ПИГГИ

Максим Зверев исполнял обязанности заместителя начальника по хозяйственной части в дальневосточной партии Всесоюзного геологического института. Проще говоря, работал завхозом. В двадцать пять лет, увидев американский фильм «Великолепная семерка», он понял, что рожден ковбоем. Завхоз просто упивался холодной невозмутимостью Бритта, так как сам от природы был словоохотлив без меры. И Макс избрал себе для подражания трудную роль благородного ковбоя, пресыщенного жизнью и смертью, которому нет равных ни в ноже, ни в револьвере. Целыми днями он бросал складной нож в деревянный щит. Удачным был один бросок из пяти или шести, но когда нож все-таки втыкался в щит, завхоз победно восклицал: «Ес!»

Макс уступал Бритту в меткости, но однажды ему удалось загнать нож в щель деревянного щита с такой силой, и не лезвием, а ручкой, что мы троим еле его вытащили, и Ник при этом сильно порезался.

Труднее было со стрельбой. На полевой сезон завхозу выдавали наган «для охраны секретных документов, материальных ценностей и отпугивания диких животных» и три десятка патронов. У других завхозов и начальников отрядов удавалось выменять еще сотню патронов, но для настоящего ковбоя этого конечно мало. Наконец, выход был найден и токарь выточил на заказ металлические вкладыши, которые вставлялись в барабан вместо патронов и позволяли стрелять из нагана дробинками при помощи охотничьих капсюлей. И дело пошло! Было закуплено две тысячи капсюлей и килограмм крупной дроби. Раньше Макс удовлетворялся лишь тем, что вертел наган на пальце, в чем, кстати, имел уже немалые успехи. Теперь он часами заряжал вкладыши и стрелял «от бедра». Особенно эффектно это смотрелось, когда он брал второй револьвер у нашего начальника и палил в мишень сразу из двух наганов. Затем с невероятной скоростью вращал револьверы на пальцах и одновременно вставлял их в кобуры. Прогресс был налицо, и в каждую мишень попадали четыре дробины из семи. Но завхоз мечтал научиться стрелять как настоящий ковбой, чтобы на полном скаку всадить шесть пуль из семи в консервную банку, вращающуюся на конце веревки. Цель была высока и недостижима. Макс не унывал и пока был доволен самим процессом. Иногда и нам с Ником удавалось пострелять.

Макс уважал английский язык и хоть знал не более трех десятков слов, очень ловко вставлял их в свою речь, как мальчик в школьном буфете: «Мне, пожалуйста, кофе... энд... булочку. Ничего, что я по-английски?»

Вместо «ну» Макс говорил «вел», вместо «конечно» – «офкоз», но чаще всего он лаконично отвечал: «аск!?!», что было его самостоятельным переводом сленга – «спрашиваешь!?!»

Ну, какой ковбой без коня? Завхоз твердил начальнику, что пока вездеход находится в другом отряде, нам позарез нужен конь. Однако в соседней деревне хорошую лошадь арендовать не удалось и пришлось довольствоваться пожилым конягой по кличке Орлик.

Макс тут же дал ему новое достойное имя Игл, что в переводе с английского значило Орел. Но конь был деревенский, по-английски не понимал и отзывался только на старое имя. Коняга никак не мог взять в

толк, что он теперь «дикий мустанг», и когда новоиспеченный ковбой лихо вскакивал в седло и пришпоривал коня, в глазах Орлика появлялась смертельная тоска, он вздыхал и, не спеша, трогал.

Начальник однажды заметил Максу, что ковбои не только сидят в кабаке, задрав ноги на стол и пьют кукурузное виски, но и ухаживают за конями: купают в реке, моют щеткой и хотя бы раз в неделю чистят им зубы содой и зубным порошком.

«Ты посмотри, какие у него желтые зубы, позор для ковбоя», – говорил начальник с серьезным видом.

Услышав про зубы, мы все опешили. В кинофильмах показывали, что коней моют щеткой и купают, а вот зубы... Но чего не бывает на белом свете. У Макса было железное правило всегда доводить до конца любое начинание. На следующий день, вернувшись из маршрута, мы не узнали лагерь. Трава, как снегом, была покрыта белым зубным порошком. Завхоз лежал под кедром в позе «усталого ковбоя». У него в ногах стояло пустое ведро из-под зубного порошка. Рядом пасся Орлик. Когда он заржал, мы увидели, что зубы у коня белее снега. Судя по вытоптанной земле, эта процедура далась обоим не легко.

Однако Игл был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд, и был умудрен жизненным опытом. Однажды мы с Максом собрались в трехдневный маршрут и навьючивали на Орлика спальные мешки, палатку и продукты. Конь стоял и невозмутимо махал хвостом. Как только мы тронулись, вьюки тут же съехали ему под живот. И так семь раз!

Когда стемнело, и трогаться в путь уже не было смысла, из маршрута вернулся наш начальник – опытный геолог и разъяснил хитрость старого коняги: Орлик незаметно надувал живот, когда мы затягивали подпругу, а потом втягивал, подпруга ослабевала и вьюки сползали. Начальник показал нам, как надо вьючить, и, затягивая подпругу, хлопнул ладонью коню в пах – тот инстинктивно втянул живот.

Но маршрут так и не состоялся. Утром живот у коня раздулся как барабан. Наверное Орлик наелся какой-то дурной травы, от чего у него, случился запор. Испугавшись, что арендованный конь сдохнет, Макс помчался в поселок к ветеринару.

«Надо дать ему слабительное», – посоветовал ветеринар.

«Как же я ему дам? – удивился завхоз. – Он меня к себе близко не подпускает после чистки зубов».

«Подмани хлебом, – посоветовал ветеринар и отсыпал для лечения пригоршню мелких таблеток пургена, – а потом вставь ему в рот трубочку, заряженную таблетками, и дунь: проглотит как миленький».

Макс вернулся в лагерь, на наших глазах молча срезал толстую дудку борщевика и осторожно зарядил ее горстью таблеток. Он удовлетворил наше любопытство и рассказал о способах лечения коней. Зажав концы трубки, чтобы не высыпались таблетки, завхоз отправился к Орлику, который пасся около реки.

Вернулся Макс спустя два часа с бледным лицом.

«Почему так долго?» – удивились мы.

«В кустах сидел, – завхоз бросил трубку в костер. – Игл успел дунуть первым».

«Выходит, ты стал одним из немногих людей, которые знают в натуре, что такое «лошадиная доза» слабительного», – сделал я изящное умозаключение.

Вечером к нам в лагерь приехал на кобыле совхозный конюх. Он узнал от ветеринара о болезни Орлика. Завидев хозяина, конь заржал. За чаем, конюх рассказал нам, что по части отлынивания от работы Орлик самый хитрый конь в мире. Его любимый прием по утрам надувать живот, демонстрируя болезнь. Конюху достаточно было издали показать Орлику шило, как тот спускал пары. Но артистичнее всего конь симулировал хромоту, припадая сразу на обе передние ноги.

Однажды, после маршрута я ловил на мушку хариусов, стоя по колено в воде посередине переката. Клев давно кончился, от ледяной воды ломило ноги, но, казалось, что из переплетения голубоватых струй опять выпрыгнет стремительная рыба, жадно схватит плывущего по поверхности овода и яростно затрепещет, туго натягивая леску и круто изгибая удилище.

На берегу появился Ник и крикнул мне:

– Абель! Иди скорей, Макс поросенка в лагерь притащил.

Макс сидел, привалившись спиной к кедру в позе ковбоя, успешно закончившего перестрелку. Шляпа была сдвинута на глаза, ноги в полусапожках вытянуты и закинута одна на другую, желтый кожаный жилет небрежно расстегнут, а из кобуры на бедре торчала ручка нагана. Около ног Макса лежал баул. Из брезентового мешка выглядывала голова маленького совершенно черного поросенка. Кабанчик невозмутимо дремал, и если бы на нем была надета маленькая шляпа со шнурком, то он походил бы на ковбоя не меньше, чем завхоз.

Макс копировал позу Бритта в начале фильма, перед дуэлью. Трудно было даже представить себе, каких усилий стоило завхозу изображать из себя дремлющего ковбоя, когда в душе у него, как у лягушки-путешественницы, все кричало. Но Макс был отличный парень, и мы все с уважением относились к его ковбойским играм.

Я решил подыграть Максиму и приветствовал его на английском:

– Хеллоу, Бритт! Хау а ю?

Завхоз небрежно приподнял шляпу ручкой плетки и с благодарностью посмотрел на меня. Неимоверным усилием воли, сдерживая ниагарский водопад рвущихся наружу слов, он превзошел самого себя, и лениво поднял большой палец, показывая, что «все О'кэй». Затем, не спеша, достал и закурил вонючую сигару.

Мы с Ником терпеливо ждали. Наконец Макса прорвало. Торопясь и жестикулируя, он рассказал, что поросенка купил случайно в колхозе за пятнадцать рублей. На четверых это не деньги, а за полевой сезон кабанчик на дарах уссурийской тайги – желудях и кедровых орехах раздобрееет и превратится в отличного подсвинка, которого в конце полевого сезона можно зажарить целиком на отвальную.

Поросенок невозмутимо дремал, не подозревая, об уготованной ему печальной судьбе. Ник присел около баула и провёл травинкой по крошечному пяточку, но кабанчик даже не шевельнулся.

Лениво потягиваясь, к нам подошел Бам – крупная восточносибирская лайка, изнывающая от жары, безделья и гнуса. Один местный житель давал Максиму собаку на весь сезон. Пес был умный и довольно ловко изображал послушание. В самом начале сезона, проезжая на вездеходе мимо небольшого таёжного поселка, мы с Максом зашли в деревенский магазинчик. Бам считал, что в поселок ходят только для того, чтобы отвести душу и подраться с местными собаками, но при этом почему-то принято делать вид, что пришли совсем за другим. И он соблюдал правила игры.

«Сидеть!» – приказал Макс Баму, и пес уселся у крыльца.

Когда мы вышли из магазина, Бам сидел как вкопанный на том самом месте, где ему приказали, и перед ним на земле лежала карамелька, которой его угостили местные ребята. Пес исходил слюной и преданно смотрел на хозяина.

«Видишь, какой я?» – говорили его глаза.

«Возьми!» – скомандовал Макс и Бам торопливо съел конфетку.

Я восхитился поведением собаки. Но Макс заверил меня, что пару конфет пес наверняка слопал враз, а одну специально оставил, чтобы перед нами прогнуться.

Тут прибежал хромой мужик и стал кричать, что Бам только что (за те несколько минут, пока мы были в магазине) чуть не задрал насмерть его рыжего кобеля.

У Бама был такой вид, будто его до глубины души оскорбляют недостойные подозрения, но уши, которые обычно стояли на голове торчком, были прижаты. Такая «плоская голова» была у Бама всегда, когда он в чем-то провинился. Пес смотрел на Макса и взгляд его говорил: «Клевета, это не я!»

И если бы на нижних клыках Бама не остались клочки рыжей шерсти чужой собаки, я бы ему поверил.

Бам подошел к нашей компании и, не обращая никакого внимания на баул с поросенком, обнюхал кожаный жилет Макса, затем приветливо махнул хвостом и оглянулся на нас спрашивая: «Вы чего это тут, ребята, делаете?»

Макс легонько ткнул в баул носком сапога и позвал: «Пигги!»

В первый момент нам показалось, что из баула выскочил матерый грозный секач. Поросенок со злобным рычаньем бросился прямо на Бама. Пес опешил от неожиданности, развернулся и, поджав хвост, умчался в тайгу. Мы не раз могли убедиться в мужестве Бама, а по утверждению хозяина лайка была натаскана даже на медведя. Неожиданность сыграла с псом злую шутку, и он был опозорен, убежав от маленького поросенка. Бам тяжело переживал случившееся целую неделю, и когда ловил на себе чей-нибудь взгляд, то стыдливо прижимал уши и спешил куда-нибудь смыться. Макс объяснил нам, что Бам бежал вовсе не из трусости. По неписаным деревенским законам за покушение на скотину или птицу собаке могла достаться пуля от хозяев или соседей.

Мы решили временно устроить Пигги в нашей палатке и, с трудом изловив, понесли его к месту жительства. Оказалось, что у Пигги значительно больше достоинств, чем мы полагали. Он умел не только бегать за собаками, но и мог свободно запрыгивать на раскладной стол, а потом сразу мне на плечо. Я даже упал от неожиданности на раскладушку.

За пять минут Пигги навел в палатке такой бардак, который нам троим не удалось бы создать и за две недели. Кабанчик повалил стол, раскладушки, железную печку и взялся рыть глубокую яму прямо в центре палатки.

Мы успели повязать Пигги раньше, чем он свалил палатку. Однако связанный он визжал так, что звенело в голове и пришлось запихнуть его во вьючный ящик. Пигги без труда вышиб головой крышку и выскочил на свободу. Прежде чем мы снова его зафиксировали, палатка все-таки упала.

Я сел на крышку ящика, в котором яростно визжал и прыгал кабанчик. Тем временем, Ник с Максом строили загон наподобие корраля, из веток типа чапарраля, под деревом, напоминающим мескитовое. Не успели они поздравить друг друга с успешным окончанием работ, как Пигги разрушил

«корраль» и смылся в тайгу. Все попытки отыскать его потерпели неудачу. Макс, отбросив ковбойскую невозмутимость, в бешенстве кричал, что застрелит эту стерву, как только увидит, и запишет на себя «в гору» пятнадцать рублей.

Перспектива быть застреленным не склоняла Пигги к возвращению. Кабанчик понимал, что в тайге хоть и голодно, зато живой.

Объявился Пигги недели через две. Он истощал, так что стали видны ребра, но при этом заметно вытянулся. У поросенка отросли длинные, как у собаки, ноги, а на загривке появилась густая черная щетина. Пигги крался к яме с пищевыми отходами. Но прежде чем Макс сбегал в палатку за ружьем, поросенок опять убежал в тайгу.

С этого дня постоянным занятием для Макса стала охота на Пигги. Однако поросенок был неуловим, хотя каждую ночь что-нибудь съедал на нашей кухне или рылся в помойке. Макс несколько раз устраивал ночную засаду, но Пигги всегда был хитрее и дожидался, когда охотник уснет и захрапит, оповещая, что путь свободен.

Бам категорически отказывался принимать участие в охоте на Пигги. Обычно когда кто-нибудь брал в руки ружье, Бам приходил в восторг: лаял, скулил, прыгал, умоляя быстрее идти на охоту, но когда Макс собирался в засидку на кабанчика, пес смотрел на хозяина и на ружье как на пустое место.

«Разбирайтесь сами с вашей домашней скотиной», – было написано на собачьей морде.

Однажды днем, когда все были в маршруте, изголодавшийся в тайге Пигги решил пробраться на кухню, не дожидаясь ночи. Его засек Макс, загоравший на раскладушке за палатками.

Наш лагерь стоял на берегу реки метрах в двухстах от проселочной дороги. Обнаружив в лагере человека, поросенок бросился по тропинке в сторону дороги, а совершенно голый Макс погнался за ним с наганом в руке. Конечно, Макс не собирался бежать голым в поселок. Но тут из-за поворота дороги неожиданно появились три женщины, которые поросенка не заметили, но зато отлично рассмотрели бегущего прямо на них голого бородатого мужика, с наганом в руке, кричащего на незнакомом языке:

«Вэл... гад! Ай кил ю...стерва! – что в переводе на русский значило: Ну... гад! Я убивать тебя... стерва!»

Женщины заголосили, побросали свои корзины и убежали назад в деревню. Макс об этом случае никому ничего не рассказал, но вечером к начальнику приехал на мотоцикле бригадир колхоза. Он долго возмущался тем, что геологи совсем распустились и на дорогах нахально гоняются за пожилыми уважаемыми колхозницами голые, да еще и с оружием!

Пришло время, переезжать на новое место. Пигги все время крутился около нашего лагеря, но изловить его не удавалось. Макс вырыл на пути к помойке глубокую яму и так ловко ее замаскировал, что туда угодили по разу опытный Бам и рассеянный Ник. Наконец попался и Пигги. Макс, записавший на себя стоимость поросенка, считался его полновластным хозяином. Он запихал злобно рычащего кабанчика в прочный ящик.

Пигги спокойно вел себя во время переезда на машине. По дороге мы остановились на ночевку в небольшом таежном поселке. Хозяйка услышала, что в ящике кто-то шевелится.

– Там у нас кабанчик! – гордо заявил Макс.

Хозяйка достала из ящика тощего и удивительно спокойного Пигги.

– Хлопчики! – воскликнула она, почесывая довольного поросенка, – да он же у вас скоро от голода сдохнет!

– Ничего подобного, – возмутился Макс, – мы его хорошо кормим, только вчера я дал ему целую горсть желудей.

Хозяйка накормила и вымыла Пигги, а затем плотно завернула, как ребенка, в чистую тряпицу. Счастливый и в первый раз по-настоящему сытый поросенок блаженно уснул.

Ник что-то шепнул Максу и тот, как настоящий благородный ковбой, подарил кабанчика хозяйке.